

Содержание

Пролог	8
Часть I. «Надо создать поселок, что ли...»	11
«Материальная база»	11
А был ли городок?	15
«Товарищ Сталин, я у вас работал...»	19
Сторожевая будка Демьяна Бедного	25
«Надо сейчас это дело международного значения закончить»	29
«Дач всего двадцать две... а нас в МАССОЛИТе три тысячи...»	31
Сваакеры и робинзоны	34
Часть 2. «Мы с тобой тоже троцкисты...»	41
Дача № 11	41
«Группочки в Переделкино»	46
Укрытие	51
«Не наш»	54
«Я умер, умер, умер...»	59
«Очевидно, государству нужно меня изъять»	67
Часть 3. Новые жильцы	78
«Та же писательская квалификация»	78
Бабель и Вишневский	84
Кувшинчик и дудочка	90
Предвоенная синоптика	97
Часть 4. Война	105
Июнь	105
Июль	108
Август	113
Осень	116
Последние дни	120
Возвращение	123
Эпилог. «Могу писать, как бог!...»	131

Приложения

Приложение 1. Протокол № 1 заседания Правления членов дачного ЖСКТ «Городок писателей», состоявшегося 3 ноября 1933 г.	140
Приложение 2. Письмо членов кооператива «Городок писателей» в Совнарком СССР	142
Приложение 3. Стенограмма заседания Правления «Городка писателей» от 4.XI.34 года	144
Приложение 4. Письмо М. С. Шагинян В. М. Молотову	164
Приложение 5. Выдержки из стенограммы совещания у тов. Лахути Г. А. по строительству «Дачного городка» от 27/XI-35 г.	171
Приложение 6. Письмо А. С. Щербакову от Д. Ляшкевича о положении на строительстве дач	174
Приложение 7. Письмо А. Лахути Председателю Совета народных комиссаров Союза ССР тов. В. М. Молотову от 15 января 1937 года	178
Приложение 8. Письмо членов кооператива «Писатель» Н. А. Петруничеву	181
Приложение 9. Письмо Луппола Ивана Капитоновича наркомвнутделу о распечатании дачи т. Сельвинского в Переделкине	182
Приложение 10. Письмо зам. председателя Правления Литфонда СССР Вл. Лидина в Президиум ССП от 26 июня 1940	182
Приложение 11. Заявление Фрады Григорьевны Беспаловой секретариату Правления Союза писателей СССР	183
Указатель имен	186

Не знаю, что здесь происходит в отсутствие человека, но стоит тут появиться людям, как все здесь приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и легким, то запутывается до невозможности.

*Андрей Арсеньевич Тарковский.
Сталкер. Литературная запись кинофильма*

Останется — наверняка —
В тумане белая река.

*Геннадий Шпаликов.
Переделкино*

Пролог

Осенью 1930 года с Киевского вокзала в бывших теплушках, переоборудованных в пригородный поезд, в Переделкино ехали писатели. Там создавался дачный кооператив, распределялись и размечались участки. Председателем кооператива был Борис Пильняк, в то время один из самых издаваемых и влиятельных советских писателей, объездивший с лекциями о советской литературе несколько стран. За год до этой поездки против него развернулась беспрецедентная травля. Пильняка клеймили в газетах за публикацию его повести «Красное дерево» в заграничном издательстве «Петрополис». Заголовки напоминали те, что через тридцать лет будут кричать со страниц газет о публикации романа Пастернака «Доктор Живаго»: «Об антисоветском поступке Б. Пильняка», «Против пильняковщины и примиренчества с ней». В сентябре 1929 года Пильняк покинул Всероссийский союз писателей. Один за другим в знак протеста против травли Пильняка и Замятина (за заграничные публикации романа «Мы») из Всероссийского союза писателей вышли Борис Пастернак, Анна Ахматова, Михаил Булгаков и Константин Федин. Последний под впечатлением от собрания в Союзе писал в дневнике: «Правление высекло себя, дало себя высечь»¹. Это было одним из предвестий того, что случится с литературой в 1930-е и 1940-е годы: ее постепенное умерщвление, когда писателей, «инженеров человеческих душ», будут приручать, дрессировать, ломать и уничтожать у всех на виду и всем в назидание.

Кампания против Пильняка велась два года. Именно в это время Пильняк занимался переделкинским кооперативом и вез писателей осмотреть место. Об этой поездке подробно вспоминала критик и литературовед Галина Колесникова. Сидя в вагоне, Пильняк рассказывал

¹ Федин К. А. Из трех петроградских дневников 1920–1921 годов. (Публикация Н. К. Фединой и В. В. Перхина, коммент. В. В. Перхина) // Русская литература. 1992. № 4. С. 169.

о знакомых ему местах, вспоминал, как охотился на волков, пробирался через болота и луга. От станции Переделкино он повел писателей вдоль сосновой аллеи, они вышли к бывшей усадьбе Спасское-Лукино.

Видимо, недавно кончилась обедня. Догорали свечи. Церковный сторож, гасивший их, взглянул на нас строго. Но промолчал. Он производил впечатление потерпевшего крушение интеллигентного человека. Аккуратно, клинышком подстриженная борода, порыжевшие от курения усы, выцветший пиджак. Борис Андреевич подошел к сторожу, поздоровался, сказал несколько слов своим могучим басом, видимо, расположил собеседника к себе. Тот разговорился. Рассказал, что до революции был хранителем краеведческого музея. Музей закрыли, превратили его в склад сельскохозяйственного инвентаря. «А меня приютили здесь церковным сторожем, живу-то я в Лукино. Места здесь вольные — и лес, и холмы, и поля, и речка между ними извивается...»¹

Когда-то неподалеку, в усадьбе Измалково, жил славянофил Юрий Самарин, друг Лермонтова, Аксакова, Гоголя, идеолог реформы крепостного права, «лучшее русское прошлое», по словам Пастернака, а усадьбой Спасское-Лукино со старинным храмом владели потомки митрополита Филиппа, борца против опричнины Ивана Грозного. В годы революции Лукино было частично сожжено и разграблено, а Измалково приютило несколько дворянских семей, изгнанных из родовых имений Осоргиных, Истоминных и Комаровских. В 1923 году, вытесненные детской колонией, они будут вынуждены покинуть этот дом. В следующие годы эти семьи и их близких постигнут горести века: аресты, ссылки, болезни, отъезд из России навсегда.

Писатели, приехавшие сюда, застали эти напитанные историей земли опустевшими, выжидающими. Приусадебные парки с сосновыми и липовыми аллеями, березовый лес, мачтовые сосны, поляны, рощи, холмы и выющиеся между ними реки Сетунь и Переделка ждали новых поселенцев.

В тот год дачи так и не были построены: кооператив упразднили, а жизнь советских литераторов резко поменялась в 1932 году, после знаменитого апрельского постановления «О перестройке литературно-художественных организаций». Но по какой-то причине

¹ «Городок среди елей и сосен»: История Городка писателей в Переделкине в статьях Г. А. Колесниковой // Новые звенья. Вып. 1. М.: ГМИРЛИ им. В. И. Даля, 2024. С. 177–178.

судьба привела главных советских писателей в эти края четыре года спустя. Здесь началось большое строительство, а дальше на протяжении девяноста лет разворачивалась жизнь советской, постсоветской и нынешней, современной, литературы. Ушедшая из Переделкина дворянская культура и новопришедшая, советская, переплелись. Как в странном научном эксперименте, на этой исторически удобренной почве расселились литераторы. В огромных коттеджах, построенных на заграничный манер, на трех главных улицах расположились партийные и беспартийные критики, писатели, поэты и драматурги. Борис Пастернак, Исаак Бабель, Валентин Катаев, Александр Фадеев, Александр Афиногенов, Константин Федин, Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Всеволод Вишневский, Лидия Сейфуллина — вот лишь часть главных имен литературы советского периода, которые прочно связаны с историей Городка писателей в Переделкине.

С лета 1936 года здесь, в Переделкине, словно в бесконечно творящем себя романе, будут закручиваться сюжеты и отыгрываться поразительные рифмы судьбы. Здесь будут прятаться и прятать, спасать и спасаться, предавать и отречься, любить и ненавидеть, гнобить и чествовать, искать утешения в вине, расставаться с жизнью, закапывать рукописи, писать тексты — бездарные и великие. В небывалой концентрации здесь будут соседствовать доблесть и подлость, страх и отвага, забвение и слава, жизнь и смерть.

Сегодня здесь точно так же, как в 1930-е годы, шумят сосны и стоят те же, почти столетние дома, их чинят и обустривают современные литераторы. О феномене Переделкина, переделкинском мифе, *genius loci* сегодня много говорят и пишут. Переделкино стало большим музеем: экскурсионные группы одна за другой проходят по улицам писательского поселка.

Но время и здесь сделало свою работу: скрыло то, о чем хотели умолчать, погрузило в забвение то, что не постарались сохранить. В этой книге нам хотелось вернуться к самому началу писательского Переделкина — части наименее изученной и, увы, по причине наибольшей временной отдаленности во многом забытой, обрастающей домыслами и неточностями. Все, что происходило в Переделкине в первое десятилетие существования Городка писателей, было трагично и страшно. В этой книге мы даем зазвучать текстам очевидцев и документам — от бухгалтерских отчетов до агентурных донесений, от воспоминаний до предсмертных записок — с надеждой на то, что Переделкино откроется читателю полнее и тоньше, позволит пройти по первым просекам, заглянуть в дома и судьбы, услышать «шум времени».

Часть I. «Надо создать поселок, что ли...»

«Материальная база»

Впервые речь об отдельном городе для писателей возникла на встрече беспартийных писателей с А. М. Горьким и партийной вер-хушкой 26 октября 1932 года. К этому моменту Горький уже упо-минал в письме к «серапионову брату» писателю Константину Фе-дину о намерении взяться за улучшение быта писателей, чтобы они могли беспрепятственно работать и развиваться:

В Москву еду с проектом: отобрать человек 20–25 наиболее талантливых литераторов, поставить их в условия полнейшей материальной незави-симости, предоставить право изучения любого материала, и пусть они попробуют написать книги, которые отвечали бы солидности запросов времени. <...> В области литературы — особенно, ибо нашего читателя обременяют словесным хламом, а подлинным нашим литераторам — нет времени учиться и работать, им слишком много приходится тратить сил на завоевание примитивных удобств в жизни: поиски дач, питания и т. д. Я думаю, что этот проект пройдет¹.

Действительно, условия, в которых жили писатели в середине 1930-х годов, были тяжелые: маленькие комнаты коммуналок с от-слаивающимися от сырости обоями, отсутствие письменных столов и даже уборных... В письмах и воспоминаниях той поры «квар-тирный вопрос» для многих писателей стоял так же остро, как и для всех.

¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 21. М.: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; Наука, 2019. С. 126.

На встрече 26 октября, которая в подробностях была записана одним из ее участников критиком К. Л. Зелинским, разговор зашел в том числе и об улучшении быта писателей:

Естественно, главный интерес — к Сталину. Его обступили плотным кольцом. Ближе всех Леонов, Гронский и Субоцкий. Говорят о материальной базе. Леонов рассказывает, с каким трудом писателям приходится получать дачи <...> Сталин дачи и вообще «базу» обещает¹.

Речь о строительстве городка заходит на этой встрече уже позже, когда Сталин представляет писателям идею создания литературного института имени М. Горького:

<...> Вокруг института — мы место выберем где-нибудь хорошее, возле города — надо создать поселок, что ли...

— Писательский городок, — подает кто-то реплику.

Надо, может быть, гостиницу, чтобы в ней жили приезжающие из республик писатели, столовую, библиотеку большую, на миллион томов для начала, все нужные учреждения. Мы дадим на это средства. Это обойдется недорого. Это все с лихвой окупится².

Должно быть, Зелинский очень точно записал писательские разговоры со Сталиным. Через три дня партийный деятель и журналист Иван Гронский, председатель Союза и секретарь фракции Оргкомитета — органа, созданного для подготовки Первого съезда писателей и учреждения Союза писателей, в большом выступлении на заседании расширенного пленума представил планы, касающиеся материальной базы, уже в качестве задач Оргкомитета:

¹ Зелинский К. Л. Одна встреча у М. Горького // Зелинский К. Л. На литературной дороге: Сборник статей. [Б. м.]: Академия XXI, 2014. С. 342. Ср. письмо Д. Е. Ляшкевича В. Я. Зазубрину, где цитируется следующее свидетельство последнего о словах Сталина: «Построить писателям гостиницу под Москвой — этого мало. Писателю не захочется надолго отрываться от семьи, тем более, когда он вернулся из поездки за материалом. Не гостиницу, а город надо построить для писателей где-либо под Москвой, где бы они могли жить вместе с семьями, друг другу не мешая, и интенсивно творить. Построить им там и гостиницу, чтобы наезжающие к ним гости и посетители их не стесняли, а останавливались бы в гостинице» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 135. Л. 2. Письмо помощника ответственного секретаря ЦСП СССР Ляшкевича тов. Зазубрину // Докладные записки, заявления, письма на имя Секретаря Правления ЦСП, планы работ структурных частей ЦСП от 20 ноября 1936 г.).

² Зелинский К. Л. Одна встреча у М. Горького. С. 355.

В заключение несколько слов о материальном деле. Мы предъявляем к литературе очень большие требования. Поэтому и литератор, к которому мы предъявляем большие требования, должен быть поставлен в надлежащие материальные условия. По-видимому, в ближайшем [будущем] придется основательно заботиться о создании такой обстановки, при которой писатель мог бы спокойно работать. Мы будем предлагать Оргкомитету построить в Москве писательский городок, в котором хотим сосредоточить Литературный институт им. Максима Горького, Дом писателя, в котором был бы клуб, музей, архив и библиотека и все прочее, и жилые дома, в которых можно было бы разместить писателей¹.

Через год предложенная Сталиным идея начнет воплощаться и навсегда свяжется с именем А. М. Горького: именно его будут называть создателем писательского городка, укрепляя самый распространенный переделкинский миф.

В действительности А. М. Горький не одобрял идею создания отдельного городка для писателей. 28 февраля 1933 года он написал Гронскому, который информировал его о планах Оргкомитета, длинное письмо (копия была отправлена Сталину), большая часть которого посвящена именно аргументации против строительства писательского городка. Горький писал, что в таком поселении писатели будут оторваны от действительности, заняты бытом, «столкновением честолюбий» и будут напрасно тратить время. «„Городок литераторов“, — монастырь для грешников, создаваемый ради усиления греховности их»².

«Насчет „городка для писателей“. Я совершенно с Вами согласен, — отвечал Сталин напрямую Горькому. — Это — дело надуманное, которое к тому же может отдалить писателей от живой среды и развить в них самомнение»³. Однако знаменитое постановление № 721 СНК РСФСР «О строительстве „Городка писателей“» появилось уже 19 июля 1933 года, через полгода после этого обсуждения.

¹ Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: Документы и комментарии. Т. 1. 1925 — июнь 1941 гг. / Рук. коллектива Т. М. Горяева; сост. З. К. Водопьянова (отв. сост.), Т. В. Домрачева, Л. М. Бабаева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 176.

² Горький М. Указ. соч. Т. 21. С. 350.

³ Письмо И. В. Сталина А. М. Горькому [не ранее 1 марта 1933 г.] // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФ «Демократия», 1999. (Серия «Россия. XX век. Документы»). С. 189.

В дальнейшем участие А. М. Горького в строительстве городка станет почти подневольным и будет сводиться к попытке контролировать творящиеся беспорядки. 22 февраля 1935 года, в период наибольшей неопределенности и простоя на строительстве дач, Горький написал письмо ответственному секретарю Союза советских писателей СССР А. С. Щербакову, призывая завершить строительство. «Вас, Алексей Максимович, я просто не решался беспокоить по этому вопросу. Если Вы найдете время и возможность кому следует позвонить и черкнуть записочку — будет прекрасно»¹, — отвечал Щербаков. После этой переписки деньги на достройку будут выделены и молниеносно потрачены, а в письме к секретарю ЦК А. А. Андрееву в ноябре 1935 года Горький с возмущением напишет об очередной халатности: «Правительство дало деньги на строительство дачного поселка, и 700 тысяч из этих денег исчезают, как дым по ветру...»²

Хотя участие Горького в строительстве Городка писателей было минимальным и вынужденным, его мнение отражалось в постоянно корректирующихся списках дачников (с каждым годом число претендентов на дачи вынужденно сокращалось). Среди первых насельников Переделкина — многочисленные протеже Горького: К. А. Федин, Вс. В. Иванов, Л. Н. Сейфуллина, А. Н. Афиногенов, В. Я. Зазубрин (они поселятся по соседству на улице, которую в первые годы будут называть то Неясной поляной, то Аллеей неудачников). «У нас еще есть Бабель, который живет как птичка, кажется, у Алексея Максимовича. Может, вместо Кирпотина вставить Бабея? (Возражений нет)», — бодро решает правление РЖСКТ «Городок писателей» в 1934 году³. Жильцами менее статусного многоквартирного дома, который получит среди переделкинцев название стандартного, стали те, кого Горький когда-либо «дружески похлопал по плечу» в мимолетной рецензии.

Вероятно, именно поэтому в писательском сознании имя Горького навсегда связалось с идеей создания Городка писателей. В обращении членов кооператива «Городок писателей» Г. А. Лахути, А. И. Тарасова-Родионова, Е. Д. Пермитина и К. Г. Никифорова (никто из

¹ Письмо А. С. Щербакова А. М. Горькому [конец февраля 1935 г.] // РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 491. Л. 1.

² Письмо А. М. Горького секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву [8 декабря 1935 г.] // Власть и художественная интеллигенция. С. 276.

³ Стенограмма заседания Правления «Городка писателей» [4 ноября 1934 г.] // ЦГАМО. Ф. 792. Оп. 6. Д. 50. Л. 92.

них впоследствии не поселится в Переделкине) в Совнарком от 5 июля 1934 года с просьбой о финансовой помощи констатируется следующее:

Во время одной из встреч советских писателей с товарищем СТАЛИНЫМ еще в минувшем году возникло решение построить в лесной местности под Москвой специальный Писательский городок, где бы в благоустроенных индивидуальных коттеджах наиболее квалифицированные советские писатели могли систематически и спокойно работать, писать свои художественные произведения. Писательская общественность горячо взялась за осуществление этого культурного начинания, возникшего по инициативе Алексея Максимовича Горького и товарища Сталина¹.

Так зарождалась легенда об авторе идеи писательского городка, культивируемая и сегодня.

В июне 1936 года, когда Городок писателей был достроен и принимал новоселов, А. М. Горького не стало.

А был ли городок?

Писательский городок должен был стать беспрецедентным явлением в мире. Первоначально на строительство близ станции Кратово был выделен лимит в 300 тысяч рублей². Контроль за строительством осуществлялся основанным 3 ноября 1933 года товарищеским кооперативом «Городок писателей» (председателем был избран писатель А. И. Тарасов-Родионов). К весне 1934 года Кратово было признано непригодным для постройки дач, — вероятно, больше всего писателей смущала удаленность от Москвы, — и кооперативу выделили территории Внуковского участка Москворецкого леспромпхоза близ станции Переделкино.

До сих пор не представляется возможным определить, кто и почему выбрал участки близ станции Переделкино для строительства. Возможно, это было сделано под влиянием Пильняка, который являлся одним из пайщиков кооператива и мог указать на подходящее под строительство место, которое выбрал еще в начале 1930-х. Или правление кооператива выбирало участок в непосредственной

¹ О строительстве «Городка писателей» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 16. Д. 3368. Л. 38.

² Проект резолюции ЦК ВКП(б) о художественной литературе // Счастье литературы. Государство и писатели. 1925–1938: Документы. М., 1997. С. 162.

близости к дачам высокопоставленных государственных лиц (в Баковке, на подъезде к выбранным участкам, располагалась дача маршала Семена Буденного, и должна была строиться дача для бывшего наркома финансов Григория Сокольников). Или же Федор Гладков, который получил дачу у станции Переделкино от профсоюза железнодорожников еще в 1932 году, мог рассказать членам правления о прелестях этой местности. В любом случае, участки, расположенные между двумя большими магистралями (Минским и Боровским шоссе) и двумя железнодорожными станциями (Баковкой и Переделкином), находились в двадцати пяти минутах езды от центра города в живописном месте и явно приглянулись писателям.

К моменту, когда строительство решили проводить близ станции Переделкино, на Бобруйском лесокомбинате уже была закуплена строительная древесина, брус для сборки стандартных домов, на предоставленный в 1933 году Совнаркомом лимит. Проект строительства был переделан под новую местность весной 1934 года. Он был рассчитан на строительство 90 дач¹: 30 трехкомнатных, 40 двухкомнатных, 20 шестикомнатных домов. Предполагалось, что в процессе строительства писатели будут корректировать проекты в соответствии со своими нуждами. Высказывались пожелания, чтобы дома были похожи на заграничные коттеджи как с точки зрения архитектуры, так и с точки зрения удобств (с каминами и современными приборами)².

Сметы и планы включали строительство подсобных помещений, сараев, колодцев, ледников, артезианской скважины, водопровода, канализации, плотины, гаража, амбулатории, аптеки, детского сада на 60 мест, трех многоквартирных домов для молодых писателей и прокладку дороги³, иногда речь заходила о создании гостиницы и спортивного клуба и даже о передаче в пользование писателям бывшей усадьбы Самариных⁴. Важным условием строительства

¹ О строительстве «Городка писателей» // ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 16. Д. 3368. Л. 45.

² Документы по обследованию строительства дач писателей. «Городок писателей» (постановления, докладные записки, справки, акты, переписка). Том II // ЦГАМО. Ф. 792. Оп. 5. Д. 49. Л. 113.

³ О строительстве «Городка писателей» // ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 16. Д. 3368. Л. 40–41.

⁴ Документы по обследованию строительства дач писателей. «Городок писателей» (постановления, докладные записки, справки, акты, переписка). Том III // ЦГАМО. Ф. 792. Оп. 6. Д. 50. Л. 80.

на предоставленном участке была минимальная вырубка деревьев. Например, сохранились архивные документы о необходимости привлечь к судебной ответственности лиц, вырубивших деревья, которые якобы затемняли дачу Владимира Зазубрина¹.

Предполагалось, что дома будут построены на полянах и прогалинах, а остальная территория превратится в «культурный и строго охраняемый, закрытый для посторонних, лесной парк»².

Смета этого грандиозного проекта разрослась до небывалых 6 339 040 рублей — суммы, немыслимой даже для правительственных дач. Однако сразу после проведения Первого съезда советских писателей, в сентябре 1934 года, была создана комиссия по обследованию места строительства, и на высшем уровне было принято решение сократить количество дач в Переделкине до 30 и «разбросать» оставшиеся 60 домов по другим поселкам (в частности, предлагалось строить близ санатория «Сосны» и в Опалихе). Результатом этого решения стало постановление СНК № 2167 от 15 сентября 1934 года «О строительстве дач для писателей», в первом пункте которого было указано: «Считать нецелесообразным строительство в одном месте специального писательского городка»³. Это постановление наконец позволило стартовать строительству — дачи начали возводить; но оно же положило конец глобальному первоначальному замыслу отдельного городка для писателей.

Вскоре отказались и от идеи достраивать остальные дачи на других участках. В стенограмме обсуждения итогов строительства за 1934 год зафиксированы метания писателей:

...те, кто собирались строиться на Николиной горе, вернулись и строятся близ ст. Переделкино <...> Леонов и Лидин заняли два участка — леоновский прежний участок не был занят никем, для Лидина пришлось выкроить за счет потеснения к югу Бабеля <...> Ильенкову и Панферову пришлось дать их прежние участки, занятые Горбуновым и Треневым. С Горбуновым договорились, с Треневым пока нет и нужно решение Правления о том, чтобы просить Тренева выбрать участок в возможных пределах <...> участок Вс. Иванова был дан Пильняку. Вс. Иванов возражает

¹ Протокол заседания президиума Мособлисполкома и материалы к ним. № 3 [29 января 1936 г.] // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1367. Л. 287.

² Обращение А. И. Тарасова-Родионова к тов. С. С. Протасову в управление Лесной инспекции при Президиуме Мособлисполкома // Там же. Д. 1165. Л. 49.

³ О строительстве «Городка писателей» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 16. Д. 3368. Л. 32.

и нужно вернуть ему прежний участок, а Пильняка вернуть на его прежний участок. Имеется заявление Пильняка с протестом¹.

К концу 1934 года писателям стало ясно, что строительство Городка писателей невозможно в первоначальном масштабе, а достройка начатых срубов потребует колоссальных усилий со стороны членов кооператива: дачи придется «выбивать» и самостоятельно достраивать. Глобальное строительство, на которое, как казалось изначально, государство не пожалеет никаких средств, осталось лишь в первоначальных планах, которые инженеры и писатели были вынуждены корректировать, отказываясь от всех лишних построек. В одной из немногих уцелевших стенограмм заседаний РЖСКТ «Городок писателей» сохранилось скептическое высказывание Леонида Леонова по отношению к постройке гостиницы:

По этой линии не хватает только родильного дома, университета и домашнего крематория. Нелепица: мы приезжаем туда, чтобы работать, чтобы уединиться от людей, никого не видеть, а здесь из города будут приезжать в гостиницы. К 80-ти «гениям», которые будут там жить, придется еще 150 «гениев»...²

Пришлось отказаться и от претензии на исключительность: параллельно и в непосредственной близости с Городком писателей создавался другой дачный писательский кооператив РЖСКТ — «Московское товарищество писателей». Дачи должны были строиться для одноименного издательства, среди членов кооператива значились, например, Александр Воронский и Сергей Малашкин. В правление входили Николай Ляшко и Артем Веселый (будущие дачники Городка писателей). Александр Тарасов-Родионов пытался пресечь деятельность конкурирующего кооператива, чтобы средства на строительство выделялись исключительно Городку писателей³. Несмотря на это, товарищество «Московский писатель» получило большой участок под строительство. Так появился знаменитый писательский поселок во Внукове.

¹ Стенограмма заседания Правления «Городка писателей» [4 ноября 1934 г.] // ЦГАМО. Ф. 792. Оп. 6. Д. 49. Л. 89–90.

² Там же. Л. 87.

³ Постановления Президиума Мособлисполкома и материалы к ним. № 2407–2422 [1934 г.] // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1197. Л. 54.